

С. А. Плетнёва

Москва

Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы)

Проблемы появления и функционирования поселений городского типа в так называемых «полукочевых государствах» практически не поднимались до настоящего времени в исторической литературе.

В отдельных работах отмечалось только, что процесс образования городов в стране связан с глубокими изменениями в развитии самого общества с относительной стабилизацией в экономике и политических отношениях, т. е. с укреплением государственного устройства.

Значительное количество крупных статей и солидных обобщающе-теоретических монографий посвящено, казалось бы, всем особенностям этого своеобразного типа поселения: скопления на сравнительно малой площади большого количества разноэтничного населения, занятого разнообразными делами, верящего во многих богов, нередко находившегося на разных ступенях интеллектуального, а главное, общественного развития.

Первые города появились в глубокой древности. Так, на Ближнем Востоке они известны уже в IV тыс. до н. э., а крупные поселения «усложненной организации» возникли значительно раньше — в VII—VI тыс. до н. э.

Г. Чайлд предложил ряд признаков, по которым можно было бы определить городом или поселением являлся изучаемый памятник. Все характеризующие города признаки он, естественно, выявил по уже вполне развитым и хорошо изученным городам, просуществовавшим на одной территории не менее 1000—3000 лет (и более) [Childe 1950].

Значительно труднее исследовать и интерпретировать сравнительно небольшие поселения-города, возникшие в историческое время, буквально «на нашей памяти» стремительно разросшиеся и нередко столь же быстро погибшие.

К этой наиболее сложно и часто просто неуловимой для определения категории относится значительное количество средневековых европейских городов, число которых я склонна отнести и ряд памятников, располагавшихся на землях подвластных хазарскому кагану.

Говоря о средневековых городах, следует помнить, что многие десятки и даже сотни их возникли на развалинах античных городов, погибших вместе с Римской империей. Впрочем, не все города были тотально разрушены, многие из них сохранились и стали вновь (после некоторого ремонта) использоваться вернувшимися после разгрома уцелевшими в битве хозяевами или же занявшими город «варварами».

Так случилось и в тех регионах Хазарии, где ранее процветали отстроенные города: в Крыму и отчасти на Таманском полуострове.

Разрушать их стали еще в начале великого переселения народов: сначала готы, затем гунны, так что хазарским пришельцам остались только заросшие травой пепелища и развалы камней. Тем не менее, примерно во второй половине VII в. с появлением хазар на развалинах стали вырастать новые дома, формируя город согласно старому плану. Это очень хорошо удалось проследить в двух таманских торговых городах — Таматархе (бывшей античной Гермонассе) и Фанагории. В Таматархе открыты очень четкая «рядность» построек и остатки характерных для юга мостовых, замощенных обычно перемежающимися слоями мелких обломков амфор и костями животных [Богословская, Богословский 1992]. В Фанагории в слое первой половины IX в. обнаружена целая замощенная улица (шириной 3 м) и «впадающие» в нее переулки, а вдоль них — цоколи домов, сложенные из камня, взятого из более ранних (античных) построек [Плетнева 1981, 16—17, рис. 6]. Следует сказать, что оба города, несмотря на беспокойное время, не перестали существовать и в дохазарское время. Конечно, город Фанагория стал меньше, но дома в нем в разных местах строились и перестраивались (ремонтничались). Те же явления происходили, видимо, и в Таматархе. Во всяком случае, керамический материал свидетельствует о довольно широком использовании сосудов V — начала VII вв. в этих городах [Атавин 1993; Плетнева 1963, 9, 33, рис. 19, 20]. Оба города были торгово-ремесленными портовыми городами. Недаром Фанагория была еще в VIII в. заселена евреями [Чичуров 1980, 60], которые активной торговлей, безусловно, способствовали обогащению города. Тем не менее примерно с середины IX в. город стал хиреть. Причины этому не только внешние «неурядицы», а скорее всего, изменение геофизической обстановки вокруг города: обмеление речушек, снабжавших город водой, обмеление порта и вообще активное разрушение города морскими приboями [Атавин 1987]. Где-то в конце IX в. город как большой портовый центр перестал существовать. Это хорошо подтверждается керамическими материалами, о чем мы скажем немного ниже.

В отличие от Фанагории Таматарха процветала. Разнообразный и богатый керамический комплекс, обломки стеклянных предметов, находки (хотя и редкие) византийских монет свидетельствуют как о собственном развитии керамическом производстве, так и о связях этого города с Крымом, Византией и малоазийскими византийскими городами. Особенный интерес представляют высокие красноглиняные кувшины с плоскими ручками (тысячи обломков и десятки целых сосудов). Очевидная эволюция их формы во времени свидетельствует о производстве кувшинов именно в Таматархе. Внутри их в подавляющем большинстве прослеживался тонкий черный слой — след от налитой в них нефти. По-видимому, она добывалась где-то здесь; рядом стояли печи для обжига кувшинов, в которых нефть развозили во многие регионы Хазарии. Во всяком случае, обломки «кувшинов с нефтью» в громадном количестве находят в Саркеле, а также почти на каждом поселении Крыма IX — первой половины XI вв.

Единственным, причем ближайшим городом, в котором обломки этих кувшинов встречаются буквально единичными экземплярами, является соседняя Фанагория. Вот этот факт и стал основанием говорить о почти полном прекращении жизни в Фанагории во второй половине IX в., именно в то время, когда в Таматархе особенно активно развернулось изготовление красноглиняных высоких кувшинов и, очевидно, столь же интенсивно развилась и торговля нефтью. Остатки фанагорийцев в умирающем городе она была уже не нужна или же просто недоступна по цене.

В Фанагории в VII в. жили евреи, и это зафиксировано источниками, но кладбище их так до сих пор и не обнаружено. В Таматархе также могло быть еврейское население [Даньшин 1993]. Однако и в том, и другом случаях мы не можем утверждать, что обнаруженные в этих городах иудейские надгробия относятся к какому-либо времени, хотя и знаем, что хазарские правители приняли иудаизм. Дело в том, что надгробий известно немного и до сих пор специалистами не проведена чисто историко-эпиграфическая работа по их типолого-хронологическому анализу. А значит, надгробия произвольно датируются любым временем. Стоит, однако, учитывать, что большинство их было обнаружено в развалинах цоколей средневековых построек, поэтому вряд ли стоит датировать их эпохой хазарского средневековья.

Через пролив от Таматархи всего в 14000 саженой от нее стоял большой, некогда и великий, город Боспор — столица Боспорского царства. Мы знаем, что расстояние было измерено в 1068 г. русским князем Глебом зимой (по Ляду) [Медынцева 1979].

Города, очевидно, были тесно связаны друг с другом особенно в «русский» период. В хазарский связи также поддерживались, судя опять-таки по наиболее массовому материалу — обломкам привозной и местной керамики. Город хазарского времени — К-р-ц* (Керчь) не был, видимо, крупным торговым центром. Встречные раскопки остатки незначительны, исключая довольно мощную стену (очевидно, цитадели), прослеженную в длину на 15 м, сложенную панцирной кладкой из крупных камней [Макарова 1998, 356—357, рис. 9, II]. Культурный слой незначителен и слабо насыщен обломками керамики, остатки жилищ разрушены до основания, можно только догадываться, что они были обычными жилищными строениями на каменных цоколях [Айбабин 2000].

В окрестностях Керчи, как и в двух предыдущих городах, обнаружено несколько иудейских надгробий. Датировка их нам также неясна, но есть данные существования в окрестностях Керчи еврейского кладбища. Вполне возможно, что раскопки его дадут новые сведения о жизни евреев в этом городе, об их погребальных обычаях, а находки новых надгробий позволят наконец заняться исследованием этих интереснейших памятников.

Мы не будем далее останавливаться на характеристике крымских городов хазарского времени. Почти все они, как на Тамани и в Восточном Крыму, были сдвинуты на развалинах древних (античных и скифских) городов. Большинство городов, неплохо исследованных, посвящены более или менее подробные публикации, и не возникает сомнения в том, что это были торговые морские порты. Конечно, они отличались друг от друга размерами, системой укреплений, планировкой, количеством базилик и т.п. [Айбабин 1999; Бабенчиков 1963; Баранков 1990; Баранов 1994; Якобсон 1959 и др.].

Существование и процветание этих городов свидетельствует прежде всего о известной стабильности жизни в этом регионе Хазарии. Торговые и дипломатические отношения Хазарии с Византией велись через Крым, а безопасный проезд по крымским дорогам, видимо, обеспечивали многочисленные хазарские военные подразделения.

Итак, мы кратко на нескольких примерах рассмотрели образование и развитие городов в Хазарии, фундаментом которых в буквальном смысле были разрушенные, но далеко не всегда разрушенные до основания древние города.

* Так он назван в письме царя Иосифа Хаздаю ибн-Шафруту (середина X в.). К письму это не вернемся ниже.

горяя группа поселений городского типа строилась на «чистом» месте, т. е. оселенном ранее, но не разрушалась при захвате их новыми «хозяевами». Представляется, что наиболее характерными городами этого типа являются известные нам в настоящее время города на территории нынешнего Дагестана, где впервые хазарам удалось взять власть над остальными, обитавшими там же родственными тюркоязычными народами (этносами), слиться с ними и образовать примерно в первой половине VII в. сильное и дееспособное объединение государственного типа.

И. Г. Магомедов считает возможным отнести к памятникам хазарского времени укрепленные поселения вдоль реки Сулак, а самое крупное из них — ур-Юрт, по его мнению, является городом Беленджером, причем все остальные памятники на Сулаке входят в округу этого города — «страну Беленджер» (Магомедов 1983, 29, рис. 2). Эта область представляла собой, очевидно, центральную территорию формирования Хазарского каганата. К сожалению, часть города в наши дни залита Сулакским водохранилищем, а остальная застроена современным селом. По остаткам культурного слоя удалось проследить преемственность города вдоль реки (более 1000 м). Только местами были заложены большие шурфы, которые наряду с подъемным материалом дают основание думать о примерной дате города — VII—VIII вв. Громадное количество бескурьих катакомбных и ямных захоронений вокруг территории города и большое количество кладбище в долине к северо-востоку от него служат, безусловно, доказательством значительности и заселенности этого города разнотетническим населением. Наиболее выдающимся объектом, сохранившимся в самом городе, была земляная стена, оборонявшая город с севера и востока. Она была сложена из слегка обработанных камней, кладка панцирная, забутовка между каменными панцирями из глыбы и мелких камней. Прекрасно прослеживаются в стене и в примыкающих к ней башнях антисейсмические камышовые прослойки.

Городище (Андрейаульское), которое также можно уверенно относить к тому же времени, стоит на высоком берегу речки Актас [Магомедов 1989, 34]. Городище в плане неправильно трапециевидное (с закругленными углами), имеет площадь, равную Беленджеру. Оно укреплено по всему периметру мощной стеной (глинобитно-сырцовою), в настоящее время сильно расплывшейся, а также имеет сильно заплывшим рвом. В северном углу этого города находилась, по мнению автора, цитадель, от которой остались только следы от западин широкого рва. В южной части на «посаде», т. е. вне территории городища (на площадке, примыкавшей к нему), были заложены небольшие раскопы, в которых обнаружены остатки легких каркасных (жердевых) построек с очагами в центре пола. В южной части, у подножья холма, в овраге обнаружены гончарные мастерские, установка обжиговых печей в которых идентично горнам IX—X вв., часто встречающимся на степных поселениях Хазарии. Керамический лом по составу теста, сохранившимся более крупным обломкам также весьма близок керамике названного этапа хазарской истории (IX в.).

Толща культурного слоя на городище свидетельствует о длительности мирного его функционирования (не менее 300 лет). Однако памятник явно недостаточно, а сопровождающее такое крупное поселение кладбище пор не найдено. Не менее величина его, мощные укрепления, длительность существования и специализированное ремесло гончарное дело позволяют счи-

тать этот ждущий исследователя памятник остатками одного из хазарских городов, причем просуществовавших, возможно, вплоть до падения каганата.

В арабо-персидской литературе упоминаются и даже кратко описываются и другие «города», существовавшие, вероятно, в Дагестане в хазарское время [Магомедов 1983, табл. 1, 43]. К сожалению, они мало исследуются, и поэтому мы ограничились в данной статье характеристикой всего двух (крупнейших) городов того времени. Представляется, что оба были давно сложившимися поселениями городского типа (прекрасно укрепленными городами).

Помимо этого «стационарного» типа в Прикаспийской степи известны памятники совсем иного облика.

Это прежде всего городище у станицы Шелковской [Магомедов 1983, 40—42, 140—141], на ровной незаливной террасе левого берега реки Терек. В плане городище квадратное, ориентированное углами по странам света. Размеры его 500×500 м. Оно укреплено мощной системой оборонительных сооружений, сохранившихся в виде валов, достигающих высоты 8 м, а ширины — 30 м. На каждой из сторон хорошо прослеживаются воротные проемы между двумя близко стоящими друг к другу оплывшими, очевидно, башнеобразными выступами. Кроме них, на углах и вдоль стен хорошо прослеживаются аналогичные выступы башен (расстояние между башнями около 40 м). С юго-западной и северо-восточной сторон вдоль стен сохранились западины рвов шириной до 50 м. Разрез стены позволил установить, что стены возводили из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей, аналогичных кирпичам всех других памятников Дагестана.

Культурный слой на городище очень незначителен, поэтому, несмотря на величину памятника, у нас нет данных о том, что памятник можно считать остатками города. Городище ни разу не раскапывалось и не шурфовалось, поэтому все что было, возможно, углублено в материк, затянато дерновым слоем, а значит, не только внутренняя планировка этой крепости, но и планировка отдельных усадеб или даже домов остаются пока невыясненными.

Представляется очевидным, что большое городище было одной из самых крупных крепостей в Хазарии, стоявшей, судя по данным письменных свидетельств, на пути, соединявшем Дербент со столицей Хазарии Итилем. Это был прекрасно защищенный от нападений торговый и, возможно, таможенный пункт, в котором сооружались таможни у ворот, караван-сарай и пр., а в центре располагалась большая базарная площадь. Возможно, потому и не накапливался здесь культурный слой, характерный для обычных городов и поселений.

Представляет интерес факт сооружения еще одной аналогичной крепости на Терек (у ст. Некрасовской) примерно в 55—60 км от Шелковской вниз по реке. Она тоже поставлена на правом берегу, опоясана глубоким рвом, ее массивные стены сложены из сырцовых кирпичей. Правда, в отличие от великолепно спланированной квадратной Шелковской крепости, она в плане неправильно треугольникообразная со слегка закругленными углами (без башен), размеры ее значительно меньше (230×330 м), ворота всего одни, тоже без башен, которых нет не только на углах, но и вдоль стен. Тем не менее это было сильное укрепление, способное выдержать и набег, и осаду. Культурного слоя в крепости не было. Видимо, это также был «оборонно-таможенный» пункт, синхронный Шелковскому, с которым он был связан прекрасной дорогой, функционирующей до сих пор. Некрасовская крепость охраняла эту дорогу, ведущую посуху к Каспийскому морю, находившемуся в то время примерно в 10—15 км от крепости. Возможно, мор-

те караваны останавливались в ней и оттуда морским путем следовали в хазарский центр — Итиль.

Очевидно, Терек в то время был пограничной рекой между землями хазарского кагана и захваченными арабами южными прикаспийскими владениями хазар. Каким образом, можно предположить, что обе крепости были поставлены на Терек уже после окончания войны с арабами, т. е. где-то во второй половине VIII в. Благодаря идеально правильной планировке первой крепости, некоторые ученые считают, что она выстроена арабами. Однако для каких целей выполняли эту громадную работу арабы и затем, уходя, оставили ее хазарам, исторически, ни практически необъяснимо. До проведения здесь настоящих исследований следует, видимо, воздерживаться от любых недоказуемых гипотез.

До арабского нашествия столицей Хазарии был Семендер. Описание этого города переходит из одного арабского сочинения в другое почти дословно. Рассказ о Семендере, по мнению Б. Н. Заходера, был прототипом всех позднейших известований о второй хазарской столице — Итиле [Заходер 1962, 179—183]. Хазары, как и другие тюркоязычные народы, были кочевниками. Но привычно скитаться с громадными стадами, иногда достигающими 12 тыс. голов скота, было в Прикаспийской степи, зажатой узкой полосой между Каспием и горами, фактически невозможно. Именно поэтому хазары и начали активную экспансию в степные просторы на север и запад от своих владений, довольно сильно при этом оттеснив оттуда болгарские орды.

Другой не менее важной причиной их завоевательной политики был захват торговых портовых городов Тамани и Крыма. Кроме того, через захваченные хазарами степи проходили караванные сухопутные и речные пути, по которым шла с Востока караваны по основной магистрале — Волге, попадая в нее из Каспия, а также по Дону (из Азовского моря) и по его притокам, пригодным для судоходства.

Вероятно, первый торгово-таможенный пункт был поставлен на одном из рукавов обширной дельты Волги, известной по источникам под названием Итиль. Названный у таможи зимник кагана и стал второй после Семендера столицей Хазарии. Это было действительно удачное место и для контроля над проходившими караванами, и для кочевания в расстилавшейся вокруг степи. Вся ее южная часть (в наше время Калмыкия и часть Ставрополя) стала личным доменом кагана.

До сих пор, несмотря на самые пристальные поиски, археологам не удалось найти развалины или хотя бы остатки развалин поселения, которое можно было достоверно связывать с этим городом. Мы знаем его не только по компилятивным рассказам арабо-персидских авторов, но и по описанию царя Иосифа, описанному им в ответном письме Хаздаду ибн-Шафруту. Существует, что все сведения об Итиле поздние — они помещены в сочинениях от IX до XIII вв. [Заходер 1962, 183—191]. Поэтому мы не имеем представления о первоначальной структуре (вероятно, зимнике?) кагана. Все авторы писали уже о большом торговом, промышленном, административном и религиозном центре страны. Данные об Итиле многократно переводились на разные европейские языки, толковались, переиждивались, обобщались.

В результате мы получили довольно полный свод сведений об этом городе. Криво они сводятся к следующему:

1 — столица Хазарии именуется Итиль, так же называется и река, на которой она стоит.

2 — город Итиль делится на две части, одна часть, на запад от реки, большая это и есть собственно Итиль;

3 — другая часть, к востоку от реки, зовется Хазаран, или Восточный Итиль;

4 — царь вместе с войском и приближенными живет в западной части, Итильская рая окружена стеной. Из какого материала были сложены внешние стены, из каких источников данных нет, а сам дворец сооружен из обожженного кирпича, причем добавляется, что только каган имел право ставить для себя здания из кирпича, остальным это было строго воспрещено;

5 — о Хазаране сведения даются более четко и единообразно. В левобережной части города много купцов, торговых мест, здесь живут мусульмане, у них есть соборная мечеть и другие мечети, муэдзины, училища. Там же проживают христиане, иудеи, идолопоклонники;

6 — жилища в городе: шатры из войлока или из глины и дерева;

7 — ряд авторов рассказывает также, что дворец кагана и дом правителя расположены были на острове посередине реки. С этого острова на один из берегов был перекинут мост из лодок. Эти сведения как-то не сопоставимы с данными об укреплении с четырьмя воротами, выходящими к реке и в степь. Различия в сообщениях разных авторов довольно значительны, особенно в определении размеров каждой из частей города и их наименований.

Так, фантастически выглядят данные царя Иосифа о трех его городах (или трех частях западного города). Размеры их как городов просто не могут соответствовать действительности: первый город — 50×50 фарсахов (это самое меньшее 250×250 км), второй город — 8×8 фарсахов (примерно 40×40 км) и только третий более или менее приближается к величине, указанной и арабскими авторами (5—6 км). В нем и живет сам владыка со своими приближенными и воинами [Коковцов 1932, 84—85].

Западная часть Итиля была достаточно крупным городом. Укрепленная часть в нем, обращенная воротами к реке и в степь, являлась, очевидно, первоначальным зимним стойбищем кагана. Размеры такого «зимника» с внешними стенами дворцами и жилищами аристократии в диаметре, возможно, достигали 2 км. Зимник постепенно разросся, распространяясь, видимо, вдоль реки и таким образом увеличив площадь западной части втрое. Пользуясь русской терминологией это были Детинец и примыкающий к нему Посад (или же Кухендия и Рабат). В Восточный Итиль был Шахристаном. Город рос под непосредственным влиянием Хорезма, Согды и других среднеазиатских государств, и поэтому деление его на аналогичные среднеазиатским Кухендию, Рабат и Шахристан вполне допустимо.

Несмотря на развитие города в полукочевническом государстве богатые аристократические аилы, в том числе и каганский, каждую весну отправлялись на кочевку. Об этом красочно и с большим чувством рассказал царь Иосиф в своем письме Хаздаю: «... в месяце Нисане (апреле.— С.П.) выходим из города* и каждый к своему полю и к своей (полевой) работе. Каждый из (наших) родов имеет еще известное (наследственное) владение, (полученное им) от своих предков. Они отправляются (туда) и располагаются в его пределах в радости и с покойными; никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных сказочностей. А я, мои князья и слуги, отправляемся и идем на протяжении 20 фарсахов пути, пока не дойдем до большой реки, называемой «В-р-шан» и оттуда идем вокруг (нашей страны), пока не приходим к концу (нашего) города (т. е. не возвращаемся в город на зимовку.— С.П.) [Коковцов 1932, 85—86].

* В данном случае имеется в виду город Итиль.

Нам представляется, что в этом довольно просторном отрывке отражена вся система летнего времяпрепровождения и хозяйствования жителей города Итиля вероятно, всех степных и в значительной степени лесостепных подданных хазарского кагана.

Во-первых — на зимнике (в данном случае в Итиле) жили до апреля. В апреле город пустел, так как население стремилось выйти в степь «на работы».

Во-вторых, характерно, что Иосиф прежде всего писал о работах земледельческих (пахотных — в поле и многообразных — в садах).

В-третьих, помимо работ на этих сравнительно небольших участках, каждый из них имел еще дополнительное владение в степи с привычным маршрутом, летними стоябищами и перегонами скота по мере истощения травяного покрова вокруг стоянки. Это было вполне упорядоченное, стабилизированное кочевание без толкочен и склок, что особенно подчеркивает в своем письме Иосиф. Начало таких перекочевок начиналось праздником с песнями и, видимо, многими ритуальными действиями, танцами и плясками.

В-четвертых, следует учитывать, что согласно этому сообщению каган владел на западной стороне Волги тремя «городами». Первый, как я полагаю, действительно был благоустроенный город, два других не были, конечно, городами, это были его собственные «владения» в степи. Меньшее из них (1600 кв. км), видимо, «земледельческое», в нем располагались пашни, сады, бахчи и виноградники. Не исключено, что этот участок находился на Нижнем Дону где-то в районе Цимлянкой, так как много находок виноградных косточек в слое Саркела, издревле и до сих пор там культивируются некоторые сорта дагестанского винограда [Потапенко, Потапенко 89, 19—21]. На этот участок каган, очевидно, предпочитал являться осенью.

А в апреле он со своей пышной аристократической свитой, частью воинов и козловым слуг (домашних рабов) отправлялся по собственному четко выверенному кочевому маршруту. Его владения, богатые тогда травой и охотничьими угодьями степи, занимали территорию, ограниченную Нижней Волгой, Нижним Доном, Майнцем и Терекком. Общая площадь этого «домена» (вместе с «земледельческим» участком) не менее 650 000 кв. км. Маршрут на этой громадной территории был, как говорилось, тщательно продуман. Он шел по периметру этой территории, вдоль рек, чтобы ни скот, ни люди не нуждались в воде. Не исключено, что его подданные, жившие круглогодично в домене, ставили свои стоябища так: у рек, а каган, переходя от одного поселения-стоябища к другому, собирал с двустороннего населения «подать» так же, как ходили русские князья «в полюдье». Видимо, так же собирали подати и дань с населения хазарские тудуны на территории от центральных хазарских владений землях. Таким образом, учитывая государственность движения стад, возможный сбор податей и судейские дела (их осуществляли, конечно, приближенные к кагану люди), охоту, занимавшую массу времени, и т. д., каган только-только успевал к октябрю (месяцу Кислёву) вернуться до своего зимнего стоябища — Итиля.

В кочевке каган достигал, очевидно, двух таможенно-торговых крепостей на западной границе своего домена (Шелковской и Некрасовской), а на северо-западе кочевывал (в IX в.) к Дону — прежде всего к одному из самых доходных таможенных пунктов — крепости Саркел (Ш-р-кил), которым царь Иосиф начал перемещение городов на торговом пути, связывавшим Хазарию с Византией. Особое значение кагана к Саркелу следует из факта построения этой великолепной крепости из обожженного кирпича, а также специальное приглашение византий-

ских инженеров для ее возведения. Поскольку, в отличие от терских крепостей Саркел был основательно исследован археологами (было вскрыто более трети ее площади), мы можем уверенно писать о том, что там были цитадель с дономом в центре, караван-сарай, помещения для солдат, караульни и т.п. [Артамонов 1966; Плетнева 1996]. Общая внутренняя площадь Саркела значительно меньше (178,65×117,83 м) обеих терекских крепостей, но его благоустроенность и засиженные в нем ремесленные производства дают нам дополнительные доказательства его экономической, а возможно, и политической значимости. Тем не менее у нас нет данных говорить о том, что Саркел был городом. Это была сильная крепость, основной функцией которой была торгово-таможенная деятельность. Постепенно торговля, ремесла и вообще оживленная жизнь, связанная с широким миром, придавали крепости сходство с городком, но несмотря на тесное общение с округой непосредственно вокруг крепости так и не вырос поселок: саркельцы не селились вне стен крепости. Очевидно, одни только таможенные торговые функции не могли способствовать образованию города.

Кратко остановимся еще на одном пункте, до которого мог доходить каган в своем летнем кочевании. Это хорошо известное археологам-медиевистам Семикаракорское городище [Флеров 2001]. Городище немного больше Саркела, квадратное в плане. На внутренней площадке была сооружена тоже квадратная цитадель, занимавшая почти треть крепости. Стены крепости и цитадели поставлены на фундаментах и, в отличие от Саркела, сложены были из сырцовых кирпичей. Прямо кое-где удалось обнаружить вдоль сырцовой кладки развалы обожженных кирпичей — как бы остатки развалившихся кирпичных облицовок (своеобразных панелей). Пока это только предположение, но следует отметить, что внутри цитадели были обнаружены развалы кирпичных стен от крупных зданий. Не исключено, что и эта крепость в значительной степени принадлежала самому кагану, как, впрочем, и все Нижнее Подонье. Семикаракоры раскопаны пока недостаточно, но и здесь удалось обнаружить остатки ремесленных мастерских — снаружи от северной стены были пристроены помещения или даже башня, в нижнем этаже которой располагались железоплавильная мастерская и, возможно, кузница.

Холм, на котором стоит эта крепость, даже не шурфовался, поэтому мы не знаем, был ли на нем культурный слой, т. е. жили ли на нем люди, а следовательно, был ли здесь или хотя бы начал ли формироваться вокруг крепости поселок (район).

В настоящее время можно считать, что Семикаракорская крепость аналогична Саркелу функционально, но построена она мастерами по местным традициям из местного материала и потому не отличается той четкостью линий, которая характеризовала все кирпичные постройки Саркела.

Перейдем к тем поселениям (городам?), которые, на наш взгляд, разбросаны в степи и лесостепи на сотни километров друг от друга и не только в значительной степени влияли на экономическое развитие этого государства, но и создавали условия для сплочения входивших в каганат народов, т. е. способствовали интенсификации этнических процессов, протекавших в каганате.

Одним из наиболее вероятных городов, безусловно, является широко известное в археологической науке Верхне-Салтовское городище с окружающим его громадным посадом и обширными могильниками. Первоначально оно представляло собой, видимо, обычную пограничную белокаменную крепость, цель которой состояла в том, чтобы обрамлять правый берег Северского Донца [Плетнева 1967, 192 рис.; Афанасьев 1987, 168—171, рис. 2]. В настоящее время, правда, мы не можем

даль о том, построена ли эта крепость на уже существовавшем поселении или последнее выросло вокруг него позднее и постепенно. Материалы могильника богатейшие (оружие, украшения, керамика и пр.). В сочетании с фактом насыщенности культурного слоя обломками керамики создается впечатление об активной жизнедеятельности этого населенного пункта.

Бусинный материал и кое-какие другие вещи, в частности привозные из Крыма и Византии амфоры, дают представление о широких связях Верхнего Салтова с всем ближневосточным миром. Казалось бы, что этот вывод следует подтверждать и наличием в могильнике около ста серебряных дирхемов, однако все они «старше» основных датирующих находок в погребальных комплексах, обнаруженных вместе с ними, примерно на 50 лет. Очевидно, монеты в массе служили украшениями и были принесены аланами из предгорий Кавказа при переселении их на Донец в середине VIII в.

Верхний Салтов с округой был, безусловно, торговым центром верховий Северского Донца. С югом он был связан как сухопутным, так и водным путем — по реке. Выше судоходство на сравнительно крупных судах вряд ли было возможно, и это была еще одна причина возникновения именно в Верхнем Салтове большого таможенно-перевалочного пункта, что способствовало активному росту города с разнообразным этническим населением, ремесленниками и торговым людом (своим и приезжим).

Более на Верхнем Донце такого типа и размеров памятника нет. Верхний Салтов — единый «комплекс» с крепостью, ставшей исключительно резиденцией главы этого города.

Все остальные крепости не связаны воедино так крепко, как Верхне-Салтовское. Сопровождавшие их поселения (кусты поселений) разрознены либо так или иначе отделены от крепости (расстоянием, древним непроходимым оврагом, речкой и пр.).

Зато на Среднем Донце, почти на границе степи с лесостепью, расположено еще одно городище, которое есть основания считать бывшим среднего размера городом. Оно находится у с. Маяки и в литературу попало под этим названием [Плетнева 1967, 22]. Городище расположено на большом треугольном правобережном мысу (примерно 400×200 м) [Михеев 1985, рис. 2:3]. Южный край городища пологий от древних и нынешних обвалов. С запада и востока к нему примыкают «посадские» территории. Земляной вал и ров отрезали основную часть города с запада и юго-запада. Вал практически расплылся полностью, ров прослеживается лучше, но также запыл и фиксируется только в виде чуть заметной длинной западины, заросшей немного более зеленой травой, чем остальная площадь мыса.

Городище хорошо исследовалось, но издано чрезмерно сжато, хотя находки на нем заслуживают большего внимания [Михеев 1985, 12—18, рис. 2, 4, 13, 15, 16, 19—25, 27—35]. Культурный слой на этом памятнике совсем небольшой, но благодаря свойствам грунта, сохранявшего железо от ржавчины, с этого памятника получена прекрасная коллекция железных орудий труда: пахотных, уборочных (серпы, косы), кузнечных, столярных, частей оружия (немного), рыболовных крючков, острог, грузил, бытовых предметов, например вилок, и пр. Странно, что совсем не попадались обломки железных пластин от железных котлов, широко распространенных тогда среди степного населения. Очевидно, это был сугубо хозяйственный, необходимый в походе предмет, и в оседлом городском хозяйстве он не был нужен. В слое обнаружено около 20 превосходно сохранившихся песчаных жерновов (нижний и верхний), а также прекрасно выполненные ли-

тейные формы для отливки предметов украшений и их деталей. Все это свидетельствует, в первую очередь, о высокоразвитых и разнообразных ремеслах, которыми владели мастера Маяков. Во всяком случае, можно уверенно говорить, что Хазария в производственных навыках не отставала ни от одного из синхронизированных ей государств. Мы не упомянули здесь еще и гончарное производство, но горны, еще и тем более его окрестные посады не были раскопаны полностью, а горны — мастерскими просто не попались археологам и остались нераскопанными. Необычным на данном поселении является несомненно почти полное отсутствие любых остатков жилищ. Очевидно, подавляющее большинство их были наземными постройками, может быть, слегка углубленными в дерн. Это были юрты. Следы одной тщательно прослежены: она круглая, диаметром 5 м, в центре помещен большой открытый очаг. Юрта сгорела, и куски от сгоревших лаг (продольных и поперечных) четко выделились в слое. От других подобных построек в слое не осталось никаких следов, кроме скоплений на их местонахождении обломков посуды и некоторых предметов, о которых писалось выше. Очень редко попадались на Маяках и обычные для салтово-маяцкой культуры жилища, распространенные по всей степи и лесостепи: прямоугольные полуземлянки со стенами стеновых конструкций с открытым круглым очагом в центре пола.

Основания для того, чтобы говорить об этом поселении как о городе, сводятся к следующему: весьма крупным размерам, довольно отчетливо выявляющемуся культурному слою, наличию примыкающих к укреплению поселений — «поселков» (?), наличию нескольких окружающих мыс ямных могильников. И, пожалуй, главное — большое количество железных вещей, что свидетельствует о развитии кузнечного дела, а сделанные кузнецами орудия практически демонстрируют развитие в городе всевозможных ремесел.

Поблизости от Маяков (в 10—15 км) вдоль правого берега Северского Донца расположено еще несколько городищ, но из них только на Малом Сидоровском проводились небольшие раскопки [Михеев 1985, 19—20, рис. 2, 4, 17, 22, 23]. Следует сказать, что размерами, наличием двух напольных валов со рвами, толщиной культурного слоя (около 0,8 м), обилием железных орудий и разнообразных поделок из железа, примыкающим прямо к валам мощным посадом это городище весьма напоминает нам Маяки. Нескольким раскопанным захоронениям этого типа идентичны погребения в Маяках. Интересно отметить, что на городище был найден обломок серебряного дирхема.

Очевидно, у нас есть основания считать оба памятника остатками производственно-торговых центров.

Оба поселения, которые, как мне представляется, можно считать городищами, находились на правом берегу Донца напротив впадения в него реки Осколы, которая была очень многоводной и судоходной (сейчас низовья ее превращены в водохранилище).

Вся северная часть оскольского бассейна чрезвычайно богата залежами железных руд. Это хорошо известно и широко используется и в наши дни. Знакомство с этим богатством и 1000 лет назад. На тщательно обследованных разведанных А.Г. Николаенко древних поселениях неоднократно находили плавильные печи сложных конструкций [Афанасьев, Николаенко 1982; 1984]. Большая железная вильная мастерская с несколькими горнами была раскопана этим исследователем, видимо, почти полностью [Николаенко, Степовой, Пашнев 2002]. Обнаружено на она была у села Ютановка, у подножия большого мысового городища с жалами

пированными склонами и пятью рядами земляных валов и рвов между ними (и те и другие сильно оплыли). Прямо к рвам почти пустого от культурного слоя городища примыкает громадное селище. К сожалению, оно никем пока не исследовалось. Раскопанные около валов несколько жилых помещений носят, видимо, временный характер, так как вырыты и утеплены очень небрежно. Вряд ли такие домишки могли принадлежать небедным плавильщикам, заинтересованным в стационарных крепких домах и усадьбах.

Есть очевидно, все данные считать этот комплекс городом. Крепость, большой посад с насыщенным находками культурным слоем, два находящиеся рядом обширных катакомбных могильника и один ямный на левом берегу свидетельствуют о значительном заселении этого района. К тому же, судя по величине плавильного «заводика», вынесенного за пределы поселения, это был большой производственный, а значит, и торговый центр. Оскол крепко связывал его с городами, стоявшими у его слияния с Донцом. Вниз по Осколу на ладьях плавильщики доставляли крицы или, возможно, уже откованное железо в донецкие кузнечные города. В целом, весь регион Оскола был крупным экономическим центром: не только Ютановское, но и другие, меньшие по размерам выплавки поселения, везли по реке свою продукцию в донецкие города.

В настоящее время частично исследован еще один памятник, который, вероятно, как и предыдущие, был городом. Это столь же известное в научной литературе, как Верхний Салтов, Маяцкое городище [Маяцкое городище 1984; Афанасьев 1987, 121—129; Винников, Плетнева 1998]. Оно находится на высоком меловом мысу (1000×450 м), огибается с северо-запада и юго-запада рекой Тихой Сосной, которая несколько ниже по течению впадает в Дон. Фактически весь мыс занят поселением. Культурный слой на нем не превышает 0,6 м, находок на поверхности, особенно в годы, когда эта площадь распахивалась, было много, что говорит о насыщенности слоя остатками активной жизни на мысу. Особенностью поверхности являются также многочисленные, сильно заплывшие западины от котлованов жилых и хозяйственных построек, покрывавших громадную площадь на мысу. Они дают представление о плотности заселения мыса, а также об отсутствии какой бы то ни было уличной планировки. Скорее, здесь прослеживается «гнездовой», т. е. усадебная, планировка. Ее удалось исследовать на большом раскопанном участке, расположенном вдоль крутого края мыса. В каждом гнезде есть крупное жилище, окруженное более мелкими жилыми и хозяйственными постройками, в частности хлебными ямами. По-видимому, в каждом гнезде сооружались как бы семейные святилища — большие прямоугольные дома с концентрически расположенными в два ряда ступенями (скамьями) и большим кострищем в центре. Это были общественные семейные молебни и помещения, в которых велись дела семьи и осуществлялись планы на будущее.

Самым выразительным «гнездом» на поселении была, конечно, белокаменная крепость, поставленная на выдающемся в пойму углу мыса. Квадратная площадка, на которой поставили крепостные стены, была отрезана от основного массива мыса с двух сторон глубокими и довольно широкими рвами, с третьей — естественным глубоким оврагом и стеной из толстых, поставленных вплотную друг к другу дубовых бревен, возможно, обмазанных глиной для предотвращения пожара. Крепость в плане трапециевидная, стены сложены без фундаментов, двухпанцирные. Толщина их достигала 6 с лишним метров. Панцири состоят из массивных белокаменных блоков, между которыми глиняное заполнение, крепко свя-

занное переплетениями дубовых жердей. В крепости свободно, т. е. без какой-либо определенной системы и порядка было «разбросано» несколько полуземлянок. Стены и кровля в них держались на массивных столбах. Все они практически были типологически к большим жилищам, обнаруженным в «гнездах» на поселении.

На юго-восточном пологом склоне холма располагалось большое кладбище. Раскопана малая его часть, но размеры его удалось определить шурфовой (площадью менее 150×200 м). Помимо этого кладбища, в каждом семейном гнезде помещались собственные небольшие могильнички из 5—6 катакомб. Существенно так же, что в заброшенных жилищах или сараях, в хозяйственных ямах, как правило хоронили умерших родичей.

Таким образом, все данные говорят о том, что поселение вместе с крепостью принадлежавшей главе (правителю, хану), было заселено довольно большим количеством жителей. На западном краю мыса на крутом склоне оврага располагался целый производственный гончарный район.

Помимо обычных обязанностей жителей, выполнения сельхозработ, ремесленной деятельности, внутренней торговли и пр., почти все мужчины поселения были воинами, входившими в отряд, возглавлявшийся хозяином крепости. Они должны были участвовать в сборе дани с соседних народов, сборе таможенных пошлин с приходивших по Дону кораблей и караванов, двигавшихся по сухопутному пути вдоль Тихой Сосны на запад в северо-западные регионы Хазарии и далее — в славянские земли. Вот эта многофункциональность и делала Маяцкое поселение фактически центром большого региона, за порядок в котором правитель был ответствен перед каганом.

Следует остановиться на замечательной особенности Маяцкого поселения отличавшей его от всех аналогичных степных городов. На хорошо сохранившихся белых стенах крепости и на развалах ее, состоявших из целых блоков, обломков и щебня, было обнаружено громадное количество граффити — знаков (таблиц, рисунков (коней, всадников, людей и других животных), а также надписей славянских руническим тюркским письмом [Флерова 1997; Кызласов 1990, гл. 1]. См. также представлено отдельными словами, короткими фразами и двух-трехстрочными «сообщениями». К сожалению, тюркологи пока не могут прочесть надписи так как они процарапаны измененным, отличающимся от сибирского, алфавитом [Кызласов 1994, гл. 1].

Находка всех этих изображений и надписей — важный фактор в системе доказательств присвоения Маяцкому поселению статуса города.

Одним из ведущих признаков города Г. Чайлд считал наличие в нем традиционных соблюдаемых ритуалов (т. е. религии) и письменности, т. е. по существу наличие образованного слоя на поселении. Рисунки на стенах, как убедительно доказывает В. Е. Флерова, имеют ритуальное значение: стены были священными, и изображения, тамги на них являлись как бы своеобразными «молениями» — просьбами о приросте скота, о победе над врагом, о собственном величии и о ритуальных битвах — возможно, судейского решения поисков справедливости (прав победивший). К такому решению, как известно, часто обращались судьи в трудных случаях невыясненных следствием обстоятельств.

Вся эта атрибутика, очевидно, была распространена и на других поселениях — городах, но они хуже сохранились, а у некоторых просто не было каменных стен, на которых могли бы сохраниться граффити. Зато на городище Маяцкое был обнаружен обломок амфоры с рунической надписью, написанной почти

рописью. Писал, видимо, купец — владелец товара, а на Маяцком писали в основном войны. Как бы там ни было, но грамотность была распространена в городах каганата, и только плохая сохранность находок и слабая изученность археологических памятников не позволяют говорить о грамотности разных сословий государства.

Подводя краткие предварительные итоги, представляется возможным существование в Хазарии двух типов городов.

Первый тип локализуется в основном на побережье Черного моря (в Крыму и на Тамани). Он характеризуется прежде всего «античным наследием», более или менее сохранившимся, и, конечно, сильным византийским влиянием, которые стали мощным импульсом для организаций городов, разрушенных в большинстве почти до тла, в тех же старых традициях, которые сложились несколькими веками раньше. Особенно показателен в этом плане Херсон, разоренный варварами не менее остальных городов, но неоднократно входивший во владения Хазарии (в том числе даже хазарский управитель — тудун). Несмотря ни на что, Херсон оставался типичным византийским провинциальным городом, стоявшим на древних развалинах Херсонеса [Якобсон-1959]. Возможно, не менее развитые города строились в раннем средневековье и в Дагестане (под воздействием культуры Сасанидского Ирана). Но плохая сохранность (кроме Дербента) и слабая степень исследованности не позволяют говорить даже о характере их застройки.

Как крымские, так и дагестанские города выросли и окрепли под воздействием чужой культуры. Это были развитые центры хозяйственной и духовной культуры, которую они несли к окружающим их народам — в их поселения и стойбища.

Второй тип городов — степной. Он выделяется нами впервые. По-видимому, это вызовет ряд возражений. Проблема степных городов только затронута мною. Для примера взяты самые выдающиеся и исследованные памятники, о конструктивных особенностях которых мы можем судить хотя бы частично.

Необходимо отметить, что некоторые памятники, привычно считавшиеся в археологической науке городами, таковыми вряд ли являются. В данной работе мы упомянули всего четыре таких «псевдогорода». Основными их отличительными чертами являлись отсутствие «посады» и отсутствие (почти полное) культурного слоя. Это были крепости, имевшие весьма существенное значение в жизни государства. Их, как и городов, было значительно больше в степях, в Крыму и, возможно, на Тамани. Большинство из них следует не только исследовать, но еще и предварительно обнаружить.

Соображения относительно существования степных городов и торгово-таможенных крепостей появились у меня в результате невероятности отсутствия в такой обширной торговой державе, какой была Хазария, пунктов, организующих и обслуживающих это громадное степное многоземелье.

Эти города не должны быть похожими ни на европейские, ни даже на крымские или древнерусские. Они выросли из ставок (стойбищ) богатейших аристократов. Так возникла их столица Итиль, заселение которой шло не кварталами, а группами, из которых главным было «гнездо» кагана. Ту же картину мы наблюдаем и на сравнительно небольшом Маяцком городище — провинциальном пограничном городке.

Таких небольших городков стояло по рекам, речкам и морскому побережью много. Подавляющее большинство их совсем не исследовано, и они постепенно стираются с лица земли.

Литература

- Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1996.
- Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Айбабин А. И. Саркел—Белая Вежа // МИА. М.; Л., 1958. № 62.
- Атавин А. Е. Краснолаковая керамика IV—VI вв. н. з. из Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2.
- Атавин А. Е. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.
- Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. О салтовском типе сырдутного горна // СА. 1982. № 1.
- Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Маяцкое городище. М., 1984.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М., 1987.
- Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепселы // История и археология средневекового Крыма. М., 1963.
- Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Баранов И. А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Сутдеи // Byzantinoturcica. М., 1994. № 1.
- Богословская И. Н., Богословский О. В. Исследование средневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989—1990 годах. Ейск, 1992.
- Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.
- Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990.
- Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1984.
- Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Николаенко А. Г., Степовой А. В., Пашнев А. Н. Память, зовущая к истине (учебно-методическое пособие). Волоконовка, 2002.
- Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслава. № 1. София, 1981.
- Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.
- Потапенко Л. П., Потапенко А. И. Виноград на Волге и Дону. Волгоград, 1989.
- Флеров В. С. «Семнкаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2.
- Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Византиарий» Никифора. М., 1980.
- Якобсон А. Л. Ранисредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- Childe G. The Urban Revolution // Town Planning Review. Liverpool, 1950. Vol. 21, № 1.

